

ПОЛИФОНИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В РАМКАХ СТРАТЕГИИ ОБРАЩЕНИЯ К АВТОРИТЕТНОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗГОВОРНО-БЫТОВОГО ДИСКУРСА)

Рассматривается одна из коммуникативных (речевых) стратегий, в рамках которых автор речевого произведения осознанно обращается к «чужому голосу», – стратегия обращения к авторитетному высказыванию. Процесс осознанного обращения автором речевого произведения к «чужому слову» обозначается как полифоническая рефлексия. Исследование выполнено на материале текстов разговорно-бытового дискурса.

Ключевые слова: коммуникативная цель; речевая стратегия; полифоническая рефлексия.

Современная лингвистика осмысляет текстопорождение как процесс, при котором говорящий, опираясь на систему языковых моделей, конструирует собственный речевой поток с привлечением различного рода «готовых» речевых отрезков, использованных в соответствии как с «исконным» – приобретенным в процессе их предшествующего функционирования – содержанием, так и с тем смысловым компонентом, который был «прочитан» автором текста в момент включения в собственное речевое произведение. Речевой поток, таким образом, предстает как динамическая модель, как «послойная» структура, состоящая из речевых фрагментов, обращенных одновременно «к прошлому» – как источнику «дотекстовой» смысловой нагруженности, «к настоящему» – как речевому факту, участвующему в решении текущей коммуникативной задачи, а также «к будущему» – как потенциальному источнику текстопорождения.

Истоки обозначенного подхода были заложены в работах М. Бахтина, рассматривающего любое речевое произведение в контексте «живой практики социального общения», где деятельность говорящего осуществляется в процессе постоянного «речевого взаимодействия», определяющего «непрерывный процесс становления» [1], в результате чего важнейшим элементом текстопорождения становится «чужое слово /.../ разной степени чужести и разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности. Эти чужие слова приносят с собою и свою экспрессию, свой оценивающий тон, который осваивается, перерабатывается, переакцентируется нами» [2. С. 269].

В основе такого подхода лежит теоретическое положение о паритетной значимости горизонтального и вертикального развертывания речевого потока, т.е. о том, что речевой поток говорящего на родном языке формируется не только (и не столько) как результат линейного конструирования единиц языковой системы, но и как явление полицитатное, включающее и переплавляющее согласно условиям конкретной коммуникативной ситуации множество готовых «коммуникативных фрагментов» – «конкретных выражений, выступающих по отношению к новой форме в качестве прототипического фона» [3. С. 97], символически нагруженных выражений, авторских метатекстовых включений, имеющих по своей природе самостоятельное значение за пределами линейной структуры данного текста. Такой подход к анализу внутренней структуры текста позволяет рассматривать его как **полифоническую структуру** – способ организации текстовой информации, при котором ее производство и воспри-

ятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации текста. Речевой поток при этом обладает свойством нелинейности.

Единицей данной структуры является **полифоническое включение** – речевой фрагмент, отягощенный «дотекстовой» информацией, «унаследованной» из предшествующих текстов, независимо от осознанности/неосознанности его прецедентности как автором данного текста, так и его адресатом.

Природа полифонического включения в первую очередь связана с обращенностью к «готовым» текстовым формам. В этом случае полифоническое включение представляет собой интертекст как проявление различных форм присутствия (от точных цитат до аллюзий) в данном тексте других текстов, существующих в данном культурном пространстве. Кроме того, смысловая организация текстовой полифонии может обеспечиваться обращением полифонического включения не к конкретному тексту, а к некоторой дискурсивной области, предполагающей функционирование текстов определенного типа. При этом полифоническое включение становится носителем смысловых компонентов, присущих некоторому первичному типу дискурса, – как он понимается в ряде современных исследований, совокупность текстов в единстве их социальной, культурно-исторической обусловленности, «дискурсивная формация», по М. Фуко (см., например, работы В.Е. Чернявской [4. С. 16], В.И. Карасика [5. С. 229] и др.), – не совпадающему с типом дискурса его реализации в полифонической структуре результирующего текста. Так, отношения между фольклорным полифоническим включением, обнаруживаемым в разговорной речи, в художественной литературе, в тексте СМИ и т.д., и его источником не могут быть обозначены как отношения «текст₁ – текст₂» в силу особенностей семантической парадигматики фольклорного текста, представляющей собой «систему, которая является смыслом целой группы текстов: типа, жанра, наконец, фольклора в целом» [6]. Еще одним ярким примером проявления «внешнего проникновения» смысла в текст, источником которого не может быть назван ни один из реально существующих текстов, является полифоническое включение, организованное по принципу стилизации как «намеренного построения художественного повествования в соответствии с принципами организации языкового материала и характерными внешними речевыми приметами, присущими опреде-

ленной социальной среде, исторической эпохе, литературному направлению, жанру, индивидуальной манере писателя, которые избираются автором как объект имитации» [7. С. 492]. В подобных случаях в результирующем тексте находят отражение некоторые обобщенные смысловые элементы, присущие не конкретному тексту-источнику, а дискурсу как среде существования текстов определенного типа (отношения «дискурс₁ (совокупность текстов₁) – текст₂ (один из текстов в рамках дискурса₂)»). Способом формальной идентификации смысловых компонентов такого вида как для автора результирующего текста, так и для его читателя/слушателя являются определенные текстовые модели, свойственные текстам указанного типа и ставшие в дискурсивной среде-источнике носителями соответствующих смыслов.

Таким образом, в данной исследовательской парадигме актуальным является положение о взаимодействии двух текстов – текста-источника (прототекста) и текста результирующего¹ – или о взаимодействии двух дискурсивных типов – дискурса-источника и дискурса результирующего.

Дискурс-источник при таком взаимодействии может либо проявляться через конкретный прототекст (в этом случае его смысловое содержание может реализовать в образуемом полифоническом включении как собственно-текстовые, так и дискурсивно обусловленные смыслы), либо существовать в качестве независимой от конкретно-текстового проявления социокультурно обусловленной дискурсивной модели (при этом в полифоническом включении реализуются дискурсивно обусловленные смыслы). Дискурсивная модель, послужившая источником формирования текстовой полифонии, обозначается термином «прототекстовая среда» – инодискурсивная по отношению к рассматриваемому полифоническому тексту область, из которой произведено заимствование. Результирующий дискурс проявляет себя через результирующий текст, организованный в виде полифонической структуры.

Виды отношений между источником и сферой реализации полифонического включения представим в таблице.

Источник полифонического включения	Сфера реализации полифонического включения	Содержание полифонического включения
Текст ₁ = прототекст (дискурс ₁)	Текст ₂ (дискурс ₁)	Текстовое содержание ₁
Текст ₁ = прототекст (дискурс ₁)	Текст ₂ (дискурс ₂)	Текстовое содержание ₁ , дискурсивно обусловленное содержание ₁
Дискурс ₁ = прототекстовая среда	Текст ₂ (дискурс ₂)	Дискурсивно обусловленное содержание ₁

Природа текстопорождения такова, что говорящий при хорошем владении языком, высоком уровне требований к качеству речевых произведений максимально растворяет границы полифонического включения [3. С. 174–175]. Но в ряде случаев обращение к прототексту приобретает для говорящего осознанный характер, становясь способом реализации определенной речевой стратегии, используемой для реализации конкретной коммуникативной цели. В данной статье объектом ис-

следования являются случаи осознанного обращения автора к «чужому слову», зафиксированные в следующих источниках: 1) записи текстов городской разговорной речи, опубликованные в виде сборников (исследовательские группы Санкт-Петербургского университета, Московского государственного университета, Екатеринбургского государственного университета, Таганрогского государственного педагогического института; 2) данные Национального корпуса русского языка [11]; 3) записи текстов носителей Среднеобского говора, выполненные в рамках диалектологических экспедиций студентов и сотрудников Томского государственного университета (1965–2008 гг.).

Особо следует отметить, что в качестве материала привлекаются речевые произведения разговорно-бытового дискурса, полифоническая структура которого обладает определенной спецификой: *Я считаю / что как говорится в пословице / «Любовь познается в разлуке» (РНК²) // [о магнитных бурях] ...я этим не интересуюсь, у меня, может быть, голова потому не болит, потому что, если хочешь заболеть, выпиши «Здоровье», такая поговорка, вот или смотреть эту передачу, тогда все болезни будут твои... (РРЗ³) // Зачем увеличивать? – Он говорит / что пускай они увеличивают свои аппетиты. – Ну вот именно. – Путин говорит / пускай они увеличивают. Вот он говорит / «Не убеждать уменьшать их аппетиты / пускай увеличивают свои аппетиты» (РНК).*

О.Г. Ревзина, анализируя особенности функционирования дискурсивных формаций в свете теории М. Фуко, обращает внимание на то, что если «дискурс, выражающий религиозное сознание, сочетает в себе воспроизводимость и способность быть интертекстуальным донором», то «знание, связанное с «Я» как частным лицом, рассчитано на интертекстуальное пространство (через цитирование, пересказ, представление в форме слухов, сплетен и пр.) прежде всего внутри того же повседневного дискурса. Повседневный дискурс – едва ли не единственный, где не действует принцип «прореживания говорящих субъектов» [11. С. 74]. Таким образом, разговорно-бытовой дискурс, по сравнению с другими типами дискурсов, характеризуется меньшей степенью упорядоченности, а его текстовое осуществление в большей степени зависит от коммуникативных условий реализации; фиксируемые в его рамках полифонические включения направлены на реализацию «частного знания» и обладают определенной субъективностью, находясь в большей, чем в других типах дискурсов, интерпретативной зависимости («частное знание проступает в режиме реального времени и порционно, информационно-прагматическая ценность этих порций высока, но в повседневной жизни она в стереотипных ситуациях погашается немедленным действием, в чем, собственно, и проявляется принцип забвения – «дискурсы, которые исчезают вместе с тем актом, в котором они были высказаны» (М. Фуко)» [11. С. 74]). Коммуникативные цели реализации «частного знания» обладают меньшей, чем в других типах дискурсов, степенью социокультурной регламентации, что определяет их особый синтетизм, комплексность реализации в рамках речевых стратегий. О.Г. Ревзина называет частное знание «полигоном

естественной реализации коммуникативных стратегий и тактик» [11. С. 75].

Процесс осознанного обращения автора речевого произведения к «чужому слову» обозначается как **полифоническая рефлексия**.

Осознанные полифонические включения напрямую связаны с «феноменом стратегемности» [12. С. 250], выступая в процессе текстопорождения как проявление активного авторского начала, которое реализуется как «отсылка к чужому опыту и метафорическая презентация (демонстрация, иллюстрация) этого опыта, с одной стороны, характеризующая личность носителя, а с другой – собственное действие, приведшее к запланированной цели» [12. С. 253].

Термин «коммуникативная стратегия» используется в различных областях знания – лингвистике, психологии, политологии, социологии – и предполагает наличие некоторого стратегического плана общественно значимых действий, направленного на достижение определенной коммуникативной цели. Организация речевой составляющей коммуникативного процесса играет значительную роль в системе стратегически значимых компонентов при ее достижении. Сосредоточиваясь на речевой стороне коммуникации, И.Н. Борисова определяет коммуникативную (=«речевую». – И.Т.) стратегию как «результат организации речевого произведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией» [13. С. 21]. Термин «речевая стратегия» применительно к речевой составляющей стратегического планирования коммуникативного процесса использует О.С. Иссерс, определяя его содержание как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», включающий «планирование речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [14. С. 54].

Осознанное обращение к иноречевой среде всегда составляет акт реализации такого стратегического планирования, проявленный как «отсылка к чужому опыту», «с одной стороны, характеризующая личность носителя, а с другой – собственное действие, приведшее к запланированной цели» [12. С. 253].

Разговорно-бытовой дискурс предполагает использование полифонической рефлексии в рамках целого ряда стратегических решений: при передаче речевого события, при воспроизведении «правильного способа говорения о предмете», при обращении к авторитетному высказыванию, при нетривиальном выражении мысли и др. (подробнее об этом см. [15]).

Предметом исследования в данной работе является одна из коммуникативных (речевых) стратегий, в рамках которых автор речевого произведения осознанно обращается к «чужому голосу», – стратегия **обращение к авторитетному высказыванию**.

Содержание речевой стратегии определяется **коммуникативной целью**, поставленной автором речевого произведения в данных дискурсивных условиях.

Коммуникативная цель в этом случае проявляет мотивировку обращения говорящего к полифонической рефлексии, содержание коммуникативно-дискурсивной целеустановки на использование «чужого голоса». Различные виды целеустановок в большинстве случаев

взаимодействуют, но в каждом конкретном случае та или иная из них становится ведущей. В самом общем виде можно выделить следующие цели, предполагающие использование рассматриваемой стратегии.

1. Осознанное полифоническое включение может быть введено говорящим для **достижения эффекта убедительности** высказывания: *Вон сейчас последние у нас по культуре собрались / Государственный Совет. Кричит наш Министр культуры. Национальной идеи нет / из-за этого все бегают. Три года назад в Волгограде Путин сказал / «Наша национальная идея / патриотизм и благосостояние / гарантированное государством». Чего еще надо? Министр не знает национальную идею. А Путин спокойно (РНК).*

2. Во многих случаях ведущим мотивом при обращении к иноречевой среде может стать потребность в **личностной самопрезентации**. При этом задача «говорить красиво» часто подчиняется общей фатической направленности высказывания («именно фатическая речь выражает человека как языковую личность, хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе» [16. С. 11]), провоцируя говорящего привлекать коллективный культурный опыт, обращаясь к цитатному фонду данной культуры (идиомы, фольклор, художественная литература и т.п.): *Наверное / эти мешочки и сопочки тут же растащили бы все / кому ни лень / просто так на хляву / а те / кому они действительно был бы полезны / эти возьми естественно... – На самом деле достаточно взять из дома небольшой полиэтиленовый пакет и безо всякого сопочка. – Это у нас. – Есть хорошая пословица / что немцу хорошо / то русскому смерть (РНК).*

Возросший уровень потребности в личностной самопрезентации рассматривается исследователями как один из отличительных признаков современного культурного пространства, обращая внимание на презентационную сущность современной коммуникации в целом (см., например, [12. С. 56]).

3. Целью реализации полифонической рефлексии может также быть потребность в **выражении различных аксиологических установок** говорящего. Так, общекультурная аксиологическая ориентированность прецедентных (по Ю.Н. Караулову) текстов позволяет при обращении к ним ёмко и образно выразить отношение к содержанию общения: *Люди / которые делают эту реформу / что они собираются сделать? – Я понятия не имею / что они собираются сделать / но очень бы хотелось / чтобы они сделали что-нибудь хорошее. – А вы как думаете? – Понимаете / как есть поговорка про Черномырдина / хотели как лучше / а получилось как всегда (РНК).*

Выбор речевой стратегии определяет, каким образом говорящий стремится достигнуть указанной цели.

Отметим, что анализ стратегических намерений говорящего, воплощаемых в разговорной речи, в силу сложности, многоаспектности его когнитивных установок не предполагает возможности составления четко дифференцированной картины выявленных речевых стратегий: коммуникативные цели автора речевого произведения могут разрешаться путем организации сложного взаимодействия стратегических решений. При этом одна из стратегий становится ведущей и оп-

ределяет использование определенной речевой тактики – в данном случае связанной с реализацией полифонической рефлексии. Рассмотрим содержание стратегии обращения к авторитетному высказыванию в условиях ее доминирования при реализации перечисленных целеустановок.

Стратегия обращения к авторитетному высказыванию проявляется в виде его осознанной цитации. Функционируя в виде полифонического включения, цитируемый текст всегда имеет четкие границы, осознанно оформляясь автором речевого произведения как «чужой» текст.

Подобный статус цитируемого высказывания чаще всего определяется совпадением его содержания с содержанием установками автора результирующего текста: *Ну вот Бунич/ Бунич/ Бунич в «Аргументах и фактах» / хорошо сказал// говорит/ «дали бы/ государственным предприятиям столько прав/ скоко кооперативам...»* (РРУ⁴) // *Явлинский как хорошо сказал / «Мы боремся не с коммунизмом / мы боремся с нищетой!»* (РНК).

В большинстве случаев авторитетность высказывания определяется спецификой его прототекстового источника.

В качестве источника в данном случае используется некоторый готовый, конкретный текст, прецедентность которого определяется либо публичным авторитетом его автора в данной социокультурной среде, либо авторитетностью самой исконной среды бытования данного текста (фольклор, СМИ, художественная литература): *Единственный выбор / это / действительно / выборы президента. Да / там / может быть / пересмотреть как-то вариант / когда предъявляют кандидатуры / там какое-то определенное / может быть / что-то должно как-то влиять. Но всё равно / единственный выход / всё равно это голосовать. — Путин тогда тоже хорошо сказал в интервью. Говорит / «Два срока и всё / человек выдыхается / обростаёт / теряет инициативу» Сам / когда ему сказали / как дальше. А этого Брежнева / а восьмью пятилетку вспомните / Недостигаемая при Советском строе и до сих пор восьмая пятилетка Брежневская. Лучшая! (РНК) // Об этом можно сказать поговорицей / улыбка на лице / камень за пазухой / если можно охарактеризовать Буша (РНК).*

Кроме того, при соответствии содержания «чужого слова» содержательным установкам автора результирующего текста высказывание может получать статус авторитетного «временного», в данной конкретной ситуации, даже если его источник имеет случайный характер, не является авторитетным: *Да / а все остальное / это бедность. — Хорошо / Александр / на Ваш взгляд? – 15 тысяч доход? – Средний класс / он вот правильно сказал / 15 тысяч ты получаешь / а у тебя семьи три человека / ты что «средний класс»? (РНК).*

Отметим, что фольклор в ряду рассмотренных источников цитирования, привлекаемых в рамках стратегии обращения к авторитетному высказыванию, имеет особый статус: фольклорные высказывания авторитетны по природе, их использование не требует экспликации оценки содержания, являющегося верным «по умолчанию»: *А я там нужен? По поговорице давно известно: Хорошо там где нас нет (РНК).* В других же случаях использования данной стратегии полифоническая рефлексия предполагает оценку содержания цита-

ты, выраженную в той или иной форме: *Они говорят / что теперь мы все вместе будем бороться с теми / кто взрывает / против терроризма. — Теперь нас меньше. — У нас очень большое пространство / но почему-то основной упор мы делаем на Европу. Кто-то очень хорошо сказал / мы по большому счету и не европейцы. У нас Азии больше. Те проблемы / конфликты / которые возникают на Юге / на Дальнем Востоке для нас более катастрофичны. Любой локальный конфликт возможен в Европе (РНК).*

В стратегическом аспекте полифоническая рефлексия может быть рассмотрена как проявление определенных **речевых тактик цитирования** (в широком смысле – осознанного обращения к иноречевой среде), используемых в рамках реализации различных коммуникативных стратегий, связанных с наличием в сознании автора речевого произведения некоторых представлений о том, каким образом следует сориентировать адресата на «приватизацию нового знания» [18. С. 51].

Обращения к иноречевой среде, используемые в рамках рассматриваемой стратегии для достижения определенной коммуникативной цели, проявляются в виде тактики **точной цитации**: автор результирующего текста, осознанно привлекая факт иноречевой среды, руководствуется когнитивной установкой на точность цитирования.

Тактика точной цитации, в свою очередь, имеет два проявления.

А) Тактика **прямого цитирования** осуществляется при наличии установки говорящего на воспроизведение прототекстового смысла в результирующем тексте: *Почему бы политической партии не сосредоточиться на том / чтобы агитировать в свои ряды / действительно предприимчивых людей / которые могли бы в части регулирования каких-то общественных вопросов / подменять свое государство. То есть / здесь вот исторический пример был / Владимир Ильич хорошо сказал/ «Революцию в белых перчатках не делают». Почему бы не заняться все-таки практической деятельностью / которая ближе всего к теневой экономике / ближе всего к предприимчивым людям / которые тоже находятся за гранью закона. Наконец / не надо забывать о таком электорате / как заключенные / содержажщиеся под следствием (РНК).*

Стратегия апеллирования к авторитетному высказыванию использует тактику прямого точного цитирования наиболее частотно, так как автор результирующего текста имеет выраженную заинтересованность в прямой передаче прототекстового смысла: именно «созвучность» его позиции и содержания текста-источника является актуальной для достижения цели в чем-либо убедить собеседника.

Б) Тактика **контрастного цитирования** предполагает использование интертекста для передачи смысла, противоположного прототекстовому или отрицающего его. Рассматриваемая тактика реализуется на базе стилистического приема иронии (где «ирония» – стилистическое средство, «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [19. С. 132]; по Аристотелю, «высказыва-

вание, содержащее насмешку над тем, кто так действительно думает»): *А уверены ли вы оба собеседника / что тот суд (наш родной / как говорил герой одной хорошей картины / родной советский суд / он остался тем же) завтра вас правильно рассудит?* (РНК).

В основе полифонической рефлексии лежит осознанное отношение автора речевого произведения к собственной текстопорождающей деятельности. При этом объектом осознания могут становиться различные этапы указанной деятельности, не всегда связанные с осознанием иноречевого статуса полифонического включения напрямую. В динамике поэтапная структура реализации полифонической рефлексии может включать (1) осознание потребности передать текстовую информацию в соответствии с коммуникативными задачами; (2) акт выбора источника, из которого должны извлекаться некоторые «коммуникативные фрагменты», необходимые для решения этих задач; (3) акт выбора «коммуникативного фрагмента»; (4) акт создания результирующего текста с использованием некоторых «готовых» «коммуникативных фрагментов».

В процессе текстопорождения для автора речевого произведения актуальными оказываются различные этапы рассматриваемой деятельности, что определяет **степень осознанности иноречевой сущности** полифонического включения.

Рефлексия по поводу выбора источника, из которого должны извлекаться «коммуникативные фрагменты», используемые в результирующем тексте, может включать осознание типа прототекстовой среды и/или прототекста, осознание авторства данного прототекста и пространственно-временной конкретности его реализации. Осознанность выбора «коммуникативного фрагмента» проявляется в четкой маркировке его границ. Рефлексия, направленная на конструирование результирующего текста с использованием «чужого слова», фиксируется с помощью специальных метатекстовых показателей, связанных с выбором текстовой формы (*как сказал N... / как говорится в пословице... и под.*).

Рассмотрим, какие этапы реализации полифонической рефлексии эксплицируются в рамках стратегии обращения к авторитетному высказыванию.

В основе использования «чужого слова» при реализации рассматриваемой стратегии, с одной стороны, лежит осознание автором результирующего текста многообразия речевых форм, проявленных в рамках данной культуры – бытовая речь, фольклор, художественная литература и под. Обращение к не соответствующей результирующему тексту речевой форме предполагает осознание четких границ цитаты, обеспечивающее ее выделенность в структуре результирующего текста, что является необходимым условием для достижения соответствующих коммуникативных целей (создание эффекта убедительности, реализация аксиологических установок, самопрезентация).

Момент номинирования речевой формы, являющейся источником цитирования, приобретает особую значимость при реализации стратегии обращения к авторитетному высказыванию, становясь одним из факторов верификации его убедительности – *не зря в песне поется... / вот даже пословица есть такая... / да сейчас во всех газетах пишут... и под. (Такая посло-*

вица / наверное / она тут уместна: «Пока гром не грянет / мужик не перекрестится» (РНК).

В исследованном материале осознанное именование прототекстовой среды в большинстве случаев отсылает слушающего к фольклорному жанру, из которого произведено заимствование. Чаще всего в разговорно-бытовом дискурсе в этом качестве цитируются пословицы/поговорки: *Как говорится / не было счастья / да несчастье помогло* (РНК). Говорящий четко осознает, что фольклор – иная по отношению к разговорно-бытовому дискурсу речевая среда, отсюда большинство обращений к фольклорному прототексту имеет характер полифонической рефлексии: *Суженой урод будет у ворот – так пословица говорится* (РНК).

При этом осознанное цитирование фольклорных текстов воспринимается говорящим как акт апеллирования к собственному речевому фонду, соответственно, фольклорный прототекст (если речь идет о «живом», бытующем в данной речевой среде фольклоре) выступает как текст, по своей природе абсолютно лишенный пространственно-временной конкретности.

Достаточно часто исследованный материал предлагает факты точного (или с незначительными искажениями) цитирования отрывков из песен, слоганов рекламы или политической кампании, а также знаковых для данной культуры текстов лозунгов и призывов: *Мы-то ведь были за Сталина / давайте возьмём / он же был наш / как говорится / гений / наш рулевой* (РНК) // *Ну это как в песне поется / что такое родина / из кинофильма / да* (РНК). Цитирование текстов такого типа в современной речевой действительности подчиняется, в основном, законам фольклорного бытования, поэтому при обращении к ним осознанный характер приобретают те же аспекты, что и при цитировании текстов фольклорных по природе.

Крайне слабо проявлена пространственно-временная ограниченность и при цитировании текстов СМИ (исключения – случаи, сопровождаемые ссылкой на конкретное печатное издание, телепередачу и под., что проявляется в исследованном материале крайне редко): *И в то же время в газете пишут / что люди / мужчины / у которых много денег / у них страх стал за свою жизнь* (РНК) // *Да / даже по телевизору говорят / что зачем вы идете на юристов учиться / если мест нет уже / всё* (РНК).

С другой стороны, использование «чужого слова» при реализации стратегии апеллирования к авторитетному высказыванию руководствуется осознанием многообразия позиций по общественно значимым вопросам бытия, плюрализма аксиологических устремлений социума. В связи с этим в рамках полифонической рефлексии особую роль приобретает авторство прототекста как показатель его легитимности. Обозначение автора в большинстве случаев связано с обращением к его социокультурному, личностному авторитету: *Мне понравилось, как Путин сказал... / как там у Пушкина... и под.*: *Ну / мне больше запомнилось / когда Путин сказал. Когда он сказал / «Мы не поддадимся на провокацию. Мы не поддадимся международному терроризму / чтобы он взял над нами верх». – Просто надо тех искать / кто все это спонсирует* (РНК). Прототекст в этом случае имеет осознанные границы, но они проявляются вне конкретно-ситуативной обусловленности, а пространственно-временная конкретность при его осознании имеет вторичный характер.

В ряде случаев «авторитетность» высказывания определяется указанием на его принадлежность к коллективному опыту предыдущих поколений. Темпоральная конкретность прототекста в подобных случаях выполняет функцию отсылки к особой прототекстовой среде, статус которой обеспечивает легитимность цитаты. Оформляется такая отсылка с помощью наречий с временным значением и глаголов речевых действий в форме прошедшего времени: *Митрѣв день – дак вот осенью бываёт, вот Митрѣв день да Егоров день – в одних, говорят, санях по озеру не йзидят. Так раньше говорили* (РНК) // [Если раньше времени выходишь из-за стола,] *раньше говорили, что «не ломайте стола!»* (РНК) // *Тады жураушки горели. Сало нальют в черепушки и зажигают. Тады так жили, все коптили. У нас говорили: «Царь Николашка, по рублю была рубашка; как пришла совецка власть, некуды заплатку класть»* (СОГ⁵).

В случаях, когда полифоническая рефлексия не сопровождается отсылкой к конкретному прототексту, отсутствие такого указания не является свидетельством неосознанности его отношения к определенной прототекстовой среде. Прецедентный текст даже при отсутствии специального оформления всегда является показателем осознанности цитирования, становясь знаком определенного дискурса, носителем его идеологических, этико-психологических установок. В основе осознанной полифонии в этом случае лежит принадлежность интертекстуального высказывания к некоторому общекультурному цитатному фонду, обеспечивающая его узнаваемость всеми участниками общения.

Таким образом, в рамках стратегии обращения к авторитетному высказыванию осознание автором результирующего текста прототекстовой принадлежности и/или авторства является обязательным, хотя его номинирование осуществляется не всегда. При этом «чужое слово» проявляется как конкретный текстовый фрагмент с четко обозначенными границами.

Подведем итоги.

1. Разговорно-бытовой дискурс как сфера реализации «частного знания» демонстрирует высокую активность цитатных когнитивных установок в бытовом сознании носителя языка, что, в частности, позволяет рассматривать современный текст разговорно-бытового дискурса как полифонический.

2. Обращение к авторитетному высказыванию в разговорно-бытовом дискурсе является одним из основных стратегических решений, в рамках которых проявляется полифоническая рефлексия.

3. Стратегия обращения к авторитетному высказыванию в разговорно-бытовом дискурсе используется при реализации целей достижения эффекта убедительности, личностной самопрезентации, выражения различных аксиологических установок говорящего. Ее речевое проявление осуществляется в виде тактик точного прямого и контрастного цитирования. При реализации рассмотренной стратегии автор речевого произведения демонстрирует высокую степень осознанности иноречевой сущности привлекаемого в рамках полифонической рефлексии коммуникативного фрагмента прототекста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Применительно к анализу интертекстуальных связей в художественном тексте Н.А. Кузьмина определяет указанную парную модель как прототекст и метатекст, где метатекст есть «текст о тексте, текст «второй степени», <...> соответственно прототекст – это базовый текст, с опорой на который создается метатекст» [8. С. 26].

² РНК – здесь и далее: Национальный корпус русского языка [9].

³ РРЗ – здесь и далее: Русская разговорная речь Заполярья: Норильск. Тексты [10].

⁴ РРУ – здесь и далее: Живая речь уральского города. Тексты [17].

⁵ СОГ – здесь и далее: записи текстов носителей Среднеобского говора, выполненные в рамках диалектологических экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета (1965–2008 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой, 1930. Режим доступа: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/VOLOSHINOV-29/introd.html>
2. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. 140 с.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Левинтон Г.А. «Интертекст» в фольклоре. Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorgo.ru
10. Русская разговорная речь Заполярья: Норильск: Тексты. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. 92 с.
11. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 66–78.
12. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
13. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21–48.
14. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006.
15. Тубалова И.В. Коммуникативные модели обращения к «чужому голосу» в разговорно-бытовом дискурсе // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / Под. ред. проф. З.И. Резановой. Томск: UFO-Plus, 2009 (в печати).
16. Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 8–16.
17. Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 206 с.
18. Иссерс О.С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 51–54.
19. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 762 с.